6. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей. № 64/211. Создание глобальной культуры кибербезопасности и оценка национальных усилий по защите важнейших информационных инфраструктур. 21 декабря 2009 года. [Электронный ресурс]// URL:http://daccess-dds ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/474/51/PDF/N0947451.pdf?OpenElement
7. Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2010 N 1815-р (ред. от 15.08.2012) «О государственной программе Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)”». Гл. 2 [Электронный ресурс]// URL: www.consultant.ru Дата сохранения: 04.05.2013.
8. *Смирнов А. А.* Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества. Опыт Европейского Союза. М.: ЮНИТИ — ДАНА: Закон и право. 2012. С. 77–110.
9. *Шариков П. А.* Эволюция государственной стратегии в сфере информационной безопасности // США — Канада. Экономика, политика, культура. 2009. 3 12. С. 95–108.

REFERENCES

1. *Aslanov R. M.* Zarubezhnyj opyt pravovogo regulirovanija obespechenija informatsionnoj bezopasnosti // Politika i obshchestvo. 2012. № 2 (86). S. 46.
2. Doktrina informatsionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii. Gl. Sh. St. 8 [Elektronnyj resurs]// URL: http://www.rg.ru/OFICIAL/DOC/MIN_AND_VEDOM/MIM_BEZOP/DOCTR.SHTM.
3. Doklad Mezhdunarodnogo sojuza elektrosvjazi “Zashchishchennost’ setej informatsii i svjazi: peredovoj opyt po sozdaniju kul’tury kiberbezopasnosti”. Zheneva.: MSE, 2010 [Elektronnyj resurs]// URL: http://www. itu. int/dms_pub/itu-d/opb/stg/D-STG-SG01. 22-2010-PDF-R. pdf
4. *Malik A. A.* Formirovanie kul’tury informatsionnoj bezopasnosti obshchestva //Pedagogika. 2009. № 3. Mart. 2009. S. 33.
5. Rezoljutsija, prinjataja General’noj Assambleej. № 57/239. Sozdanie global’noj kul’tury kiberbezopasnosti. 20 dekabrja 2002 goda [Elektronnyj resurs]// URL:http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/506/54/PDF/N0350654.pdf?OpenElement.
6. Rezoljutsija, prinjataja General’noj Assambleej. № 64/211. Sozdanie global’noj kul’tury kiberbezopasnosti i otsenka natsional’nyh usilij po zashchite vazhnejshih informacionnyh infrastruktur. 21 dekabrja 2009 goda [Elektronnyj resurs]// URL:http://daccess-dds ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/474/51/PDF/N0947451.pdf?OpenElement
7. Rasporjazhenie Pravitel’stva RF ot 20.10.2010 N 1815-r (red. ot 15.08.2012) «O gosudarstvennoj programme Rossijskoj Federacii “Informatsionnoe obshchestvo (2011–2020 gody)”». Gl. 2 [elektronnyj resurs]// URL: www. consultant. ru Data sohranenija: 04. 05. 2013.
8. *Smirnov A. A.* Obespechenie informatsionnoj bezopasnosti v uslovijah virtualizatsii obshchestva. Opyt Evropejskogo Sojuza. M.: JuNITI — DANA: Zakon i pravo. 2012. S. 77–110.
9. *Sharikov P. A.* Jevoljutsija gosudarstvennoj strategii v sfere informatsinnoj bezopasnosti // SShA — Kanada. Ekonomika, politika, kul’tura. 2009. 3 12. S. 95–108.

М. В. Невзоров

СБОР ИНФОРМАЦИИ ПО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМ КОНФЛИКТАМ: НЕДОСТАТКИ БАЗ ДАННЫХ И ПОИСК РЕШЕНИЙ

Представлен результат сравнения основных зарубежных проектов по сбору информации о конфликтах. Отмечаются недостатки баз данных: 1) факты собираются преимущественно о вооруженных столкновениях; 2) эмпирические факты не учитывают информацию о восприятии актора в конфликтной ситуации. Автор предполагает, что устранить данные недостатки может единая теория конфликта, которая логически

описывает конфликтные и бесконфликтные состояния системы как взаимосвязанные, а также включает идеи и восприятие их акторами конфликта.

Ключевые слова: этнополитический конфликт, база данных, моделирование, единая теория конфликта, акторы конфликта.

M. Nevzorov

Information gathering about ethnopolitical conflicts: shortcomings of data bank and finding of solutions

In article produced results of comparing influential conflict data projects in modern social science. Noted, that data projects have two shortcomings: 1) data bank aggregates facts mainly about armed conflicts; 2) empirical facts do not include information about actor's perception in conflict situation. Author supposes that unified theory of conflict could eliminate the shortcomings because this theory 1) describes conflict and unconflict systems as interrelated positions; 2) includes in system ideas and perception theirs by actors.

Keywords: ethnopolitical conflict, data bank, modeling, unified theory of conflict, conflict's actors.

Благодаря развитию средств массовой информации и информационных технологий в зарубежной социальной науке появилось большое число исследовательских проектов по сбору информации в сфере международных и внутренних конфликтов. Проекты, о которых пойдет речь в данной статье, имеют две задачи: во-первых, научную, связанную с поиском закономерностей в массиве данных, во-вторых, практическую, связанную с мониторингом и ранним предупреждением конфликтов. Ученые решают данные задачи, используя ту или иную теоретическую схему отбора информации, таким образом различные наборы данных могут дать различные результаты.

Самым наглядным примером является различие между проектами Correlates of War (CoW) и Uppsala Conflict Data Project (UCDP), которые собирают информацию о конфликте, используя количественный показатель числа боевых потерь (battle-related deaths). В первом случае — это войны, которые набирают в течение года 1000 боевых потерь, во втором случае — 25 (до 1000 жертв кодифицируется в качестве малого вооруженного конфликта или minor armed conflict). Снижение порога позволило «заметить» большее число вооруженных конфликтов, что на данный момент соответствует современным тенденциям, когда, во-первых, снижение интенсивности боевых действий в мире сопровождается одновременным увеличением числа конфликтов и участвующих в них сторон, во-вторых, отмечается преобладание внутренних вооруженных столкновений над межгосударственными, начиная с распада СССР [7].

Одно лишь снижение порога числа смертей приводит к изменению конфликтной картины мира. Но заманчивый из-за простоты эмпирического наблюдения критерий боевых жертв сужает исследовательский горизонт лишь до вооруженных столкновений, но нисколько не вскрывает взаимодействие акторов в те периоды, когда число жертв не достигает порогового значения, или в мирное время.

Попыткой расширить горизонт событий является недавно включенная в UCDP база данных «Peace Agreement Dataset», которая отображает статистику по мирным соглашениям с 1991 года. Беглый анализ данных показывает, что число разорванных согла-

шений превышает число в этом же году заключенных мирных соглашений [6]. Наиболее правдоподобным объяснением (однако, требующим доказательства) является восприятие мирных соглашений акторами конфликта в виде элемента стратегии, например, как способ получить время для перегруппировки сил.

Вышесказанное позволяет обозначить первую проблему проектов по сбору данных о конфликтах, а именно — недостаточное внимание к конфликту как целостному явлению. Ученые из проекта по сбору данных KOSIMO (другое название — CONIS, или Conflict Information System) Гейдельбергского института исследований международных конфликтов отмечают недостаток систематизированных данных [9]: 1) по ненасильственным конфликтам и латентным конфликтам; 2) по внутренним конфликтам (и, как следствие, чрезмерное внимание к проблемам межгосударственных конфликтов, а не конфликтов, включающих акторов негосударственного характера).

Исследователи проекта KOSIMO перекодируют информацию из существующих баз данных согласно шести последовательно превращающихся друг в друга конфликтных фаз таким образом, что 1) кризис превращается в 2) глубокий (severe) кризис, переходящий в стадию 3) войны, заканчивающуюся 4) прекращением огня (ceasefire), 5) миром, 6) латентным конфликтом, перерастающим опять в 1) кризис [9, с. 385].

Этапы конфликта в идеальном случае должны быть эмпирически наблюдаемыми, однако так происходит не во всех случаях. Например, чем отличается кризис от глубокого кризиса? Являются ли перечисленные фазы категориями, которые имеют значение для акторов конфликта или являются лишь теоретическими конструктами исследователей? Обобщая недостатки многих баз данных, А. Остин напоминает нам, что «исследователь сам решает, где провести линию» и предостерегает о том, что «уровень чувствительности к недовольствам у каждого человека разный и его невозможно обнаружить эмпирически, это возможно только концептуально» [2, с. 152].

Таким образом, концептуализация поведения акторов конфликта является второй неизбежной проблемой. К примеру, в проекте «Minorities at Risk» Т. Гарра взяты за единицы наблюдения общинные группы (communal group), разделенные на пять типов [этнокласс, этнонациональность, коренные жители, конкурентная община (communal contender), милитантская секта]. Априорное утверждение о субъектности общинной группы накладывается на априорное же предположение о поведении этих групп: «конфликтная динамика будет общей фактически для всех политически ущемленных групп, в то же время многие другие [динамики конфликта] будут отличаться по отдельным типам или категориям групп» [4, с. 164]. В результате теоретическая методология, хотя и устанавливает причинно-следственные связи, но, как считает российский антрополог В. Тишков, имеет следующие недостатки [10, с. 572–573]: 1) трактовка групп в виде коллективных образований с [едиными] потребностями и универсальной мотивацией, но не как ситуации, чувства и речевые акты; 2) упрощение данных вплоть до получения заранее ожидаемых и/или политически ангажированных ответов.

Все указанные выше проекты стремятся найти причинно-следственные связи, но необходимо, видимо, признать, что сбор информации по конфликтам — это не только проблема эмпирических состояний объекта наблюдения. Поиск данных необходимо дополнить информацией, входящей непосредственно «в сферу восприятия человеком или группой людей соответствующей ситуации» [2, с. 153].

Отметим, что не все базы данных невнимательно относятся к проблеме восприятия при категоризации эмпирически наблюдаемых фактов. Самые ранние проекты, такие, как WEIS и COPDAB собирали информа-

цию по событиям, располагающимся в широком диапазоне от тотальной войны до мирного объединения двух субъектов в одно целое. Проблеме шкалирования диапазона событий уделялось важное значение, а последовательность категорий испытывалась Э. Азаром (COPDAB) при помощи семантического дифференциала Осгуда на выборках, состоящих из экспертов по международным отношениям и обычных граждан [4]. Это делалось специально для того, чтобы снизить вероятность неправильной категоризации события самими исследователями. Другая, уже современная попытка, связана с проектом MERCI, где учитываются сделанные участниками конфликтного взаимодействия высказывания по поводу того или иного предмета политического конфликта [8].

Учитывая две вышеизложенные проблемы, попытаемся коротко описать выход из ситуации, который используется автором в исследовательском проекте «База данных “Этнополитические конфликты в непризнанных государствах”». В основу проекта легла единая теория конфликта, которая позволяет моделировать конфликтные ситуации на основе выстраивания структуры отношений акторов конфликта [3]:

1) теория не сводит конфликт до столкновения, но рассматривает систему отношений между акторами, которая со временем видоизменяется, переходя из конфликтной (т. е. такой, которая имеет отрицательную обратную связь) в бесконфликтную и наоборот.

2) теория включает в себя не только отношения «актор—актор», но и «актор—идея—актор», таким образом появляется возможность учитывать высказывания участников конфликта об идее (предмете конфликта), а соответственно — оценить восприятие субъектов конфликта.

Сильной стороной теории является наглядное изображение динамического развития конфликтного случая в различных плоскостях: от изменения числа акторов до изменения предмета конфликта (идеи).

Проект по сбору данных об этнополитических конфликтах соответствует научному направлению Герценовского университета «Социально-политические процессы и институты: история и современность» и учитывает тенденции в образовании и науке, связывая ученых различной специализации с практикоориентированным компетентностным подходом в образовании [1, с. 24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грибанова Г. И.* Социальные науки и практика социального управления: проблема взаимодействия // Universum: вестник Герценовского университета. 2009. № 3. С. 23–25.
2. *Остин А.* Раннее предупреждение и мониторинг конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М.: Наука, 2007. С. 132–155.
3. *Светлов В. А., Семенов В. А.* Конфликтология: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2011. 352 с.
4. *Azar E. E., Lerner S.* The Use of Semantic Dimensions in the Scaling of International Events // International Interactions. Vol. 7. No. 4. Pp. 361–378.
5. *Gurr T. R.* Why Minorities Rebel: A Global Analysis of Communal Mobilization and Conflict since 1945 // International Political Science Review. 1993. Vol. 14. No. 2. Pp. 161–201.
6. *Harbom L.* Armed Conflict and Peace Agreements / L. Harbom, S. Högbladh, P. Wallensteen // Journal of Peace Research. 2006. Vol. 43. No. 5. Pp. 617–631.
7. *Harbom L.* Dyadic Dimensions of Armed Conflict, 1946–2007 // L. Harbom, E. Melander, P. Wallensteen / Journal of Peace Research. 2008. Vol. 45. Pp. 697–710.
8. *Koopmans R., Statham P.* Political Claims-Analysis: Integrating Protest Event and Political Discourse Approaches // Mobilization: The International Journal of Research and Theory about Social Movements, Protest and Collective Behavior. 1999. Vol. 4. № 2. Pp. 203–221.

9. *Pfetsch F. R., Rohloff C.* KOSIMO: A Databank on Political Conflict // Journal of Peace Research. 2000. Vol. 37. No. 3. Pp. 379–389.
10. *Tischkov V.* Ethnic Conflict in the Former USSR: The Use and Misuse of Typologies and Data // Journal of Peace Research. 1999. Vol. 36. No. 5. Pp. 571–591.

REFERENCES

1. *Gribanova G. I.* Sotsial'nye nauki i praktika sotsial'nogo upravleniya: problema vzaimodeystviya // Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta. 2009. № 3. S. 23–25.
2. *Ostin A.* Rannee preduprezhdenie i monitoring konfliktov // Etnopoliticheskiy konflikt: puti transformatsii. Nastol'naya kniga Bergkhofskogo tsentra. M.: Nauka, 2007. S. 132–155.
3. *Svetlov V. A., Semenov V. A.* Konfliktologiya: Uchebnoe posobie. SPb.: Piter, 2011. 352 s.
4. *Azar E. E., Lerner S.* The Use of Semantic Dimensions in the Scaling of International Events // International Interactions. Vol. 7. No. 4. Pp. 361–378.
5. *Gurr T. R.* Why Minorities Rebel: A Global Analysis of Communal Mobilization and Conflict since 1945 // International Political Science Review. 1993. Vol. 14. No. 2. Pp. 161–201.
6. *Harbom L.* (2006) Armed Conflict and Peace Agreements / L. Harbom, S. Högbladh, P. Wallensteen // Journal of Peace Research. Vol. 43. No. 5. Pp. 617–631.
7. *Harbom L.* (2008) Dyadic Dimensions of Armed Conflict, 1946–2007 // L. Harbom, E. Melander, P. Wallensteen / Journal of Peace Research. Vol. 45. Pp. 697–710.
8. *Koopmans R., Statham P.* (1999) Political Claims-Analysis: Integrating Protest Event and Political Discourse Approaches // Mobilization: The International Journal of Research and Theory about Social Movements, Protest and Collective Behavior. Vol. 4. № 2. R. 203–221.
9. *Pfetsch F. R., Rohloff C.* (2000) KOSIMO: A Databank on Political Conflict // Journal of Peace Research. Vol. 37. No. 3. Pp. 379–389.
10. *Tischkov V.* (1999). Ethnic Conflict in the Former USSR: The Use and Misuse of Typologies and Data // Journal of Peace Research. Vol. 36. No. 5. Pp. 571–591.

М. А. Алигаджиева

ЭЛИТОГЕНЕЗ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛЕ ДАГЕСТАНА

На основе результатов социологических исследований, проведенных автором, выявлена специфика формирования и деятельности местных этнических элит, достаточно отличающаяся от общероссийской. Элитогенез является главным фактором этнизации власти в Республике Дагестан.

Ключевые слова: элитогенез, национально-политическая элита, этнократия, специфика, этнизация, власть, общество.

M. Aligadjieva

Elite genesis in the political field of Dagestan

Based on the results of sociological research conducted by the author of the article the author analyzes the specifics of the formation and activities of local ethnic elites, quite different from the Russian. Elite genesis is the main factor этнизации authorities in the Republic of Dagestan.